

Вэй Ле не услышал ответа и продолжал настаивать: «Мне кажется, лучше быть честным. Дружить вот так, в неведении, — верный путь к ссоре. Вы ничего не говорите, а втихаря столько всего делаете. Это пугает. Господин Гу ещё совсем юн, ему всего семнадцать. Вдруг он испугается и сбежит?»

— Испугается? Ты, кажется, его не понимаешь.

Хо Янь усмехнулся, в его тёмных глазах плескалась безграничная уверенность:

— Тот, кого я захотел, никуда не денется.

...

Слишком много событий обрушилось на него за короткий срок, и Гу Тин не мог сразу всё осмыслить. Согревая руки о жаровню, он сидел на крыльце, наблюдая за падающим снегом. Чем дольше он думал, тем яснее понимал: что-то здесь не так.

Когда Хо Янь впервые появился в Тереме Красного Шёлка, он спрашивал у Цзи Ци о событиях шестилетней давности. Если он так ими интересовался, почему теперь вёл себя так пассивно, отставая от других и получая все важные сведения из чужих рук?

Гу Тин начал анализировать всё с самого начала. Хо Янь вряд ли узнал его с первого взгляда. Шесть лет назад ему было одиннадцать, с тех пор он сильно вырос и изменился. Даже давно не видевшие его слуги порой не сразу его узнавали. Как же Хо Янь смог опознать его так быстро?

Этот плут снова его обманул!

Вспомнив их внезапную встречу в тесной комнате, Гу Тин понял, что его первоначальный анализ был верен. Хо Янь действительно испытывал к нему враждебность и хитроумно подталкивал его к откровениям... Вероятно, именно тогда он и узнал его. Поэтому, когда Гу Тин позже ворвался в ту комнату, Хо Янь и сказал: «Он мой человек», — чтобы спасти его. Все эти нежности, объятия и слова о «сокровище сердца» — этот негодяй намеренно над ним издевался! С самого начала дразнил его!

Гу Тин фыркнул и снова погрузился в раздумья. Если Хо Янь смог поймать Четвёртую госпожу Гань, сбежавшую из Терема Красного Шёлка, то почему не схватил Цин Суня? Неужели действительно не знал? Или... намеренно делал вид, что не знает и не может поймать? Возможно, он всё время знал, где находится Цин Сунь, и ему не требовались чужие подсказки. Оттого он и был так спокоен и уверен в себе.

Если это так, то когда Гу Тин отправился в переулок Бэйхуа на переговоры с Цин Сунем, тот услышал за окном шорох — это были люди Хо Яня, охранявшие его. Раз Хо Янь всё время следил, он наверняка знал, что задумал Гу Тин. Почему же не остановил его?

Потому что, останови он его, Гу Тин больше не пошёл бы. Цин Сунь остался бы в покое, но для шпиона слишком спокойная обстановка подозрительна. Лёгкое напряжение — вот что помогало Цин Суню расслабиться и проявить себя.

Следовательно, сегодняшние слова Хо Яня — «Я создал ситуацию, чтобы вызвать у него напряжение» и «Я отпустил его, и ты отпусти его» — были сказаны намеренно, для него.

Гу Тин всё крепче сжимал жаровню, его мысли неслись вскачь.

Если Хо Янь всё время следил за Цин Сунем и знал о важности «пятого дня», почему же он не усилил надзор, не помешал Ю Дачуню? Не додумался? Или не смог предотвратить?

Будь они в столице, всякое могло случиться. Но они были в Цзююане, на землях князя — Стража Севера, где присутствовал сам Хо Янь. Если бы он не смог уследить за действиями Ю Дачуня, ему бы не стоило быть князем. Если же он мог, но Ю Дачунь всё же отправился схватить Цин Суня — оставалась лишь одна причина: Хо Янь был тому виной.

С самого начала Хо Янь знал всё, расставил сеть и при этом остался в стороне. Самое гениальное в его действиях — это использование чужих мыслей, побуждений и поступков. Он подстраивал свои планы под ситуацию, искусно расставляя нужные вехи.

В военной стратегии есть приём «наблюдать за пожаром с противоположного берега». Весь его смысл — в сохранении безопасной дистанции, постоянном наблюдении без приближения, чтобы другие не заметили твоего присутствия или решили, что ты вне игры.

Хо Янь, несомненно, был мастером этого приёма. Легко, играючи, будто перебирая струны или двигая фигуры на доске, он получал всё, что хотел. И Гу Тин тоже был одной из фигур на его шахматной доске. Возможно, даже все эти недобрые слухи и своевременное спасение в усадьбе Ю Дачуня были частью его расчётов.

Хо Янь использовал его, но и защитил. Он вырыл для него яму, зная, когда и как тот в неё прыгнет, когда оступится, и твёрдо держал всю ситуацию под контролем. А сегодня, всего двумя фразами, открыл ему глаза, заставил понять всё и откровенно продемонстрировал свою силу.

Гу Тин, осознавший всё это: ...

Этот мужчина был слишком коварен. Невыносимо коварен!

Но, несмотря на то что его так провели, Гу Тин не чувствовал ни злобы, ни ненависти. Наоборот, его щёки слегка порозовели.

Хо Янь понимал его. Знал, что он хочет сделать, но не останавливал, а позволял. Именно это «позволение» было самым ценным. За события шестилетней давности Хо Янь был ему должен. И теперь, встретившись вновь, он, конечно, хотел его защитить. Но он не стал запираť его в четырёх стенах, не запрещал ничего делать. Он знал, что Гу Тин жаждет действий, хочет попробовать свои силы, и, даже видя возможную опасность, позволил ему идти вперёд, лишь обеспечивая по мере сил максимальную защиту.

Он верил в него. Давал ему пространство проявить себя.

Да, он использовал его для некоторых целей — например, для создания нужного напряжения в переговорах с Цин Сунем. Но Гу Тин не считал это оскорблением, ведь он и сам собирался это сделать. Он чувствовал, что у Хо Яня не было злого умысла, ни капли неуважения или желания унижить. Лишь признание и... поддержка.

Князь — Страж Севера отнюдь не был простым солдафоном, не смыслящим в интригах. Он был в них весьма, даже сверхъестественно силён! Ощущение, что такой человек взял тебя в прицел, что цель, которую он наметил, не ускользнёт, — было одновременно пугающим и восхитительным. Он был слишком могущественен, вызывал благоговение и преклонение.

Гу Тин и в прошлой жизни знал, что в его натуре есть некоторая дикость и тяга к сильным

личностям. Тот, кто не мог завоевать его искреннего признания, никогда не вызывал желания следовать за собой. А Хо Янь своим поступком попал прямо в самую точку.

Великолепно...

Гу Тин почувствовал лёгкое возбуждение и предвкушение будущего. Хо Янь, казалось, уделял ему особое внимание. Что он хотел от него получить? Неужели в Армии Стражей Севера не хватало стратегов? Хотел ли он, чтобы Гу Тин присоединился к ним?

...Что ж, тогда ему следовало хорошенько над этим подумать.

— Молодой господин, пришёл Дун Чжунчэн, — неожиданно доложил У Фэн. — Кажется, дело срочное.

Гу Тин отставил жаровню:

— Быстро проси!

Дун Чжунчэн действительно выглядел встревоженным: брови сведены, губы посинели от холода, плащ растрёпан — и он даже не попытался его поправить.

Гу Тин поспешно протянул ему чашку горячего чая:

— Что случилось?

Дун Чжунчэн, видимо, действительно хотел пить. Он залпом осушил чашку и торопливо заговорил:

— Все эти дни ты просил меня следить за торговыми путями. Я думал, что это излишняя предосторожность, но теперь понимаю — ошибался.

Гу Тин вздрогнул:

— Лекарства? С ними проблемы? — Неужели его худшие опасения сбывались?

Дун Чжунчэн покачал головой:

— Не лекарства. Зерно.

Гу Тин был ошарашен и не сразу понял:

— Что?

По его воспоминаниям, дефицит должен был возникнуть с лекарствами, а не с зерном... Он запасся зерном, руководствуясь лишь смутным предчувствием: во время войны без запасов продовольствия чувствуешь себя неуверенно. Неужели в прошлом зерно тоже становилось серьёзной проблемой?

Дун Чжунчэн ответил с предельной серьёзностью:

— Всё случилось за последние пару дней. Цены на рис взлетели, семьдесят процентов торговцев перестали отпускать зерно. Конечно, подобное бывало и раньше — под конец года лавки распродают остатки, — но сейчас всё иначе. Слишком рано. Я пообщался с друзьями, и они тоже удивлены. После расспросов выяснилось... зерна-то достаточно, но пути его подвоза

перерезаны!

Гу Тин вскочил:

— Пути подвоза?

— Да, именно они! Говорят, кругом снежные заносы, все заняты подготовкой к празднику, и на расчистку дорог уйдёт месяц. Но кто знает, действительно ли дело в снеге, или кто-то намеренно всё устроил! — Дун Чжунчэн, как коренной житель Цзююаня, с гневом ударил по столу. — В Цзююане сейчас идёт война с северными варварами, князь — Страж Севера с воинами, не щадя себя, сражаются в лютый холод, а теперь ещё и без еды останутся!

Гу Тин начал быстро соображать.

Кто-то пытался сломить Хо Яня. Его заслуги были слишком велики, а в столице у него не было семьи в качестве заложников. Положение Хо Яня при дворе всегда было шатким. Даже если император не стал бы действовать, другие, желая ему угодить, обязательно сделали бы это. Подобных ситуаций Гу Тин в прошлой жизни видел предостаточно. Путь Хо Яня всегда был тернист, опасности подстерегали на каждом шагу. То, что он сумел дожить до нынешних дней, не сломавшись, и по-прежнему готов был защищать границы и народ, — уже было великим достижением.

<http://bllate.org/book/16279/1466122>